
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(430)''17

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ: В ПОИСКАХ АУТЕНТИЧНОГО ОБЛИКА (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Кратко охарактеризована философия Г. Гегеля и его многочисленные образы, которые за последние 200 лет сложились в философской литературе: начиная с его ближайших сторонников и противников – старо- и младогегельянцев, основоположников марксизма, В. Ленина, французских неогегельянцев в лице А. Кожева и Ж. Валя, последующего жесткого противостояния образов Г. Гегеля, сформированных К. Поппером и Г. Маркузе и заканчивая исследованиями Ж. Д'Онта и концепцией, разработанной организаторами XXXIII Международного гегелевского конгресса (намечен на июнь 2021 г.), суть которой заключается в необходимости исправить идеологически оскорбленный образ Г. Гегеля и раскрыть его как мыслителя свободы. Отмечается, что в XXI в. нельзя оставаться в плену одиозных идеологических клише и стереотипов, навязывающих нам образ мыслителя как апологета Прусского государства и реакционера-консерватора, призванного удерживать философию в разумных границах, а также перекладывать на него ответственность за сказанное от его имени сторонниками ортодоксального марксизма или радикального неогегельянства.

Ключевые слова: Г. Гегель; XXXIII Международный гегелевский конгресс; «столкновение разных ликов Гегеля»; К. Маркс; В. Ленин; неогегельянство; А. Кожев; К. Поппер; Г. Маркузе; В. Стёпин; Ж. Д'Онт.

Образец цитирования:

Румянцова ТГ. Г. В. Ф. Гегель: в поисках аутентичного облика (к 250-летию со дня рождения). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:4–11.

For citation:

Rumyantseva TG. G. V. F. Hegel: in searching for an authentic image (to the 250th anniversary of birth). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 3:4–11. Russian.

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцова – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

G. V. F. HEGEL: IN SEARCHING FOR AN AUTHENTIC IMAGE
(TO THE 250th ANNIVERSARY OF BIRTH)T. G. RUMYANTSEVA^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The anniversary, celebrated in 2020 in honor of the 250th anniversary of G. Hegel's birth and the 200th anniversary of the publication of his «Philosophy of Right», gives us a good reason to intensify work on further study of his inheritance. The article attempts to briefly describe the many images of G. Hegel and his philosophy, that have developed in philosophical literature over the past 200 years. Starting with his closest supporters and opponents – the «Old» and «Young» Hegelians; then the founders of Marxism, V. Lenin, the French Neohegelians in the person of A. Kozhev and J. Val; the subsequent tough confrontation between the images of G. Hegel formed by K. Popper and H. Markuse, and ending with the research of J. D'Ont and the concept developed by the organisers of the 33rd International Hegel Congress (June 2021), the essence of which is the need to correct the ideologically insulted image of G. Hegel and positioning him as a thinker of freedom. It is noted that in the 21st century we cannot remain captive of odious ideological clichés and stereotypes, that impose on us the image of a thinker as an apologist of the Prussian State and a conservative reactionary, designed to keep philosophy within reasonable boundaries, as well as impose on him responsibility for what was said on his behalf by supporters of either orthodox Marxism or radical neohegelians.

Keywords: G. Hegel; 33rd International Hegel Congress; «clash of different faces of Hegel»; K. Marx; V. Lenin; neohelicism; A. Kozhev; K. Popper; H. Markuse; V. Stepin; J. D'Ont.

Наверное, ни об одном великом философе не написано так много, как о Г. Гегеле, особенно на русском языке, причем как в досоветской России, так и после Октября 1917 г. При этом разнообразие образов Г. Гегеля буквально потрясает. Так, по поводу его наследия в разное время были высказаны не просто различные, но и радикально противоположные точки зрения, и эти споры вокруг образа Г. Гегеля имеют место и сегодня («воскрешение Г. Гегеля продолжается» (Ж. Д'Онт)).

С одной стороны, сама история вынуждает каждое поколение переписывать образы ее великих участников, вновь отвечая на вопрос о том, что каждый из них хотел сказать своим творчеством, с другой – разнообразие ликов Гегеля во многом связано и со спецификой тех целей, которые преследуют сами интерпретаторы. Они чаще всего пытаются встроить его идеи в собственные мысли, поставить их на службу личным интересам, подчас причисляя философу то, о чем он не только никогда не писал, но даже и не думал. По этой причине создается иллюзия, что каждый может говорить о «своем» Г. Гегеле, находя у него то, что нужно именно ему. Можно ли, опираясь исключительно на учение самого Г. Гегеля, сформировать единственно аутентичный его облик как в чисто философском, так и в политическом отношении?

Одним из поводов написания этой статьи послужили события, которые в 2020 г. отмечает международное сообщество исследователей Г. Гегеля: 250-летие со дня его рождения и 200-летие публикации «Философия права». Однако дело не только в самом факте этих юбилеев, которые, конечно, дают прекрасную возможность еще раз обратиться к обсуждению гегелевской философии во всех ее аспектах. При изучении кратко изложенной концеп-

ции XXXIII Международного гегелевского конгресса (далее – Конгресс), который должен был состояться в честь этих юбилейных дат в июне текущего года в Варшаве (по причине пандемии его перенесли на 2021 г.), стоит обратить внимание на цель, которую поставили перед собой организаторы этого форума: «Спустя тридцать лет после политических изменений в Европе... пришло время наконец-то исправить идеологически оскорбленный образ Г. Гегеля и сосредоточиться на нем как мыслителе свободы... создав, таким образом, интеллектуальную платформу, на которой представители Запада и Востока, Севера и Юга могут встретиться, чтобы коллективно осмыслить социальные, политические и правовые проблемы нашего времени». Предполагалось сделать акцент как на наиболее глубоко присущих наследию философа двух моментах человеческого существования (мышлении и свободе) и, соответственно, сформулировать в качестве одной из важнейших задач современной философии «концептуализацию форм права на свободу», обозначив тем самым общие рамки Конгресса. В преамбуле к форуму отмечалось также, что в Центральной и Восточной Европе образ Г. Гегеля был искажен, и это «привело к идеологическому злоупотреблению его философией как одной из опор недемократической системы» [1]. При этом значительная роль в подобного рода искажении отводится и до сегодняшнего дня достаточно популярной интерпретации К. Поппера, которую он дал в своем ставшем бестселлером двухтомнике «Открытое общество и его враги».

Таким образом, именно теория свободы, как главный нерв философии Г. Гегеля, была выбрана организаторами Конгресса в качестве подходящей отправной точки, чтобы сформулировать важные и актуальные вопросы современности. При этом за-

метны очередная попытка модернизировать Г. Гегеля, стремление позиционировать его исключительно как либерала и, разумеется, использовать такой его облик не только в профессионально-философских, но и в политических целях.

Подобного рода попытки отнюдь не новы. Известно, что сразу после смерти философа в Германии не раз «сталкивались различные лики Гегеля», сформированные, с одной стороны, консервативными правыми старогегельянцами, прочитавшими философа сквозь призму идей лютеранской ортодоксии, и радикальными в политическом плане левыми младогегельянцами – с другой. В дореволюционной России учение Егора Федоровича Гегеля (так его называли русские гегельянцы того времени) было крайне популярно и воспринято как теоретическое обоснование практики революционного бунта, «радости разрушения» (М. Бакунин) и «алгебры революции» (А. Герцен).

В литературе довольно подробно описано, как был прочитан Г. Гегель основоположниками марксизма. Следует подчеркнуть лишь то, что, несмотря на высокое признание диалектики немецкого мыслителя (например, К. Маркс считал ее собственным философским источником, называя себя иногда гегельянцем, а Ф. Энгельс испытывал гордость от того, что немецкие социалисты происходят от И. Канта, И. Фихте и, разумеется, Г. Гегеля), в то же самое время наблюдается серьезная недооценка его философии [2]. Это было связано с тем, что классики подошли к наследию их предшественника если не исключительно, то по меньшей мере преимущественно в контексте пригодности и целесообразности использования его идей для решения революционно-практических, политических задач. Сосредоточив свое внимание на диалектическом методе Г. Гегеля (а среди его работ – в основном на «Философии права»), они не увидели целого ряда продуктивных идей в его учении о гражданском обществе, соотношении государства и его институтов. Но даже превознося данную диалектику, и К. Маркс, и Ф. Энгельс не раз отмечали, что та стоит у Г. Гегеля «вверх ногами», что ее нужно перевернуть, чтобы найти рациональное зерно в мистической оболочке. У основоположника марксизма можно обнаружить и строки, явно свидетельствующие о том, что его диалектический метод в своем основании не только отличается от гегелевского, но и составляет прямую его противоположность и т. п. Сформированный классиками такого рода облик Г. Гегеля приведет к серьезным последствиям, особенно для философии и социальной науки в СССР, хотя и не только. Следует отметить, что в XX в. образ философа, представленный в интерпретации Маркса, был весьма искажен, а именно: Г. Гегель предстает как создатель мистифицированной философской системы («успешно снятой и перевернутой» марксизмом), которая, будучи консервативной, радикально про-

тиворечит своему революционному методу. Хотя на самом деле они, разумеется, никак не могут быть отделены друг от друга, поскольку, являясь отображением действительности, гегелевская система никак не может быть взята вне способа бытия реальности, т. е. ее метода.

Создателем следующего образа Г. Гегеля становится В. Ленин. Тема «Ленин и Гегель» давно уже стала отдельной в философской литературе XX и XXI вв., причем не только в русскоязычной. Пример тому книга французского неомарксиста Л. Альтюссера «Ленин и философия» и ряд других изданных на Западе работ [3; 4]. Следует отметить, что именно благодаря большевистскому вождю Г. Гегеля будут активно издавать, комментировать и изучать в Советском Союзе, где он станет, пожалуй, самым популярным западным философом. А брошенная В. Лениным на полях его конспекта фраза: «Нельзя вполне понять “Капитал” Маркса, особенно его первую главу, не проштудировав и не поняв всей логики Г. Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя» – будет своего рода руководящей идеологической установкой для оценки творчества философа на одной шестой части суши [5, с. 162]. К числу еще одной ленинской установки, постоянно тиражируемой впоследствии в СССР, можно отнести и эклектическую оценку учения Г. Гегеля. Суть ее состоит в постоянном воспроизведении тезиса о том, что будто бы, с одной стороны, философ гениально ставил чрезвычайно важные вопросы, а с другой – оказывался не в состоянии их решить, будучи, как известно, идеалистом.

Сначала в «Материализме и эмпириокритицизме» (1908) В. Ленин признал значительность фигуры Г. Гегеля по сравнению с «более мелкими философами» в лице И. Канта и Д. Юма. Затем он уделил ему гораздо большее внимание в «Философских тетрадах», которые часто на Западе называют гегелевскими (написанные в период Первой мировой войны и опубликованные посмертно в 1933 г.). И, наконец, в работе «О значении воинствующего материализма» (1922) он призывает большевиков «организовать систематическое изучение гегелевской диалектики с материалистической точки зрения» [6, с. 23–33]. Как бы высоко В. Ленин не ценил так называемый умный идеализм и диалектику Г. Гегеля, он отмечал, что Г. Гегель «угадал диалектику вещей в диалектике понятий» и т. п., и полностью придерживался оценок, данных в свое время К. Марксом. Более того, он крайне резко, отнюдь не в академической манере сравнивал его идеализм с «навозной кучей», называл «поставленным на голову материализмом», сопровождая свое чтение «Науки логики» жуткими эпитетами (например, «архидлинно, пусто, скучно... бога жалко, сволочь идеалистическая», «темна вода», «определение не из ясных» и т. п. [5, с. 267]).

В. Ленина, как и его великих предшественников, интересовало у Г. Гегеля только то, что можно было непосредственно перенести в политику и тактику революционной борьбы, т. е. его диалектика и диалектическое противоречие, которое Г. Гегель ввел в «сердцевину мира» и в котором большевистский вождь увидел главную заслугу немецкого мыслителя. Он также критически усвоил ставшую для будущей революции в России очень важной еще одну мысль Г. Гегеля – о превращении идеального в реальное – и включил в свою практику его знаменитую фразу о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [5, с. 94]. Тем самым В. Ленин сумел, как отмечают многие исследователи, гораздо глубже понять Г. Гегеля и все же выйти за рамки исключительно ортодоксального прочтения его К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как скажет потом С. Жижек, «Ленин благодаря внимательному чтению “Логики” Гегеля сумел распознать уникальную возможность для революции» [7, с. 557].

Нетрудно догадаться, как формировался следующий облик Г. Гегеля уже в СССР. Более того, эта тема получила освещение в работах ряда российских философов. Следует подчеркнуть, что основные направления исследования гегелевской проблематики в советской литературе определялись, во-первых, оценками классиков марксизма, а во-вторых, теми социально-политическими изменениями, которые происходили в стране на разных этапах ее развития. Так, доминирующими в 1920-х гг. стали идеи о Г. Гегеле как о теоретическом источнике марксизма; опять же, его критиковали за идеализм в философии и консерватизм в политике. В 1930-х гг. в оценках Г. Гегеля преобладало восхваление его революционного диалектического метода, шла резкая критика сформировавшегося на Западе движения неогегельянства. В 1940-х гг., особенно с началом Великой Отечественной войны, перешли к стремительным выпадам в адрес всей немецкой классической философии, характеризуемой тогда в качестве «аристократической реакции на Французскую революцию». Самого же Г. Гегеля упрекали за пренебрежение к славянам и возвеличивание немцев, апологетику войны и колониальную политику, в чем особенно зарекомендовал себя издававшийся в то время теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б) «Большевик». Даже стали возникать многочисленные дискуссии о том, считать ли его наследие одним из теоретических источников марксизма или предтечей нацистской идеологии. Так, с подачи З. Белецкого, партийного секретаря Института философии АН СССР, и санкции И. Сталина была закреплена ложная интерпретация немецкой классической философии, в корне противоречащая той, которая в свое время была дана основоположниками марксизма-ленинизма [8, с. 164]. Написанное З. Белецким письмо И. Сталину о знаменитом третьем томе «История философии» послужило по-

водом для резкой смены представлений о месте и роли немецкой классики и лично Г. Гегеля в истории философии. И если некоторые советские авторы (Б. Быховский, М. Розенталь и др.) все же пытались повернуть классиков против фашистов, придерживаясь ортодоксальных ленинских оценок, то другие настаивали на том, что немецкая классическая философия является одним из источников нацистской идеологии. Это, по-видимому, было связано в том числе и с давней неприязнью И. Сталина к Г. Гегелю, которая, как отмечает С. Корсаков, сложилась еще с тех времен, когда Я. Стэн читал ему персональный курс лекций по философии. Есть сведения о том, что за несколько месяцев до смерти И. Сталин говорил своим приближенным идеологам, что в философии нечего «увлекаться единством противоположностей, это гегельянская терминология» [8, с. 168].

Лишь в период оттепели формируется более аутентичный облик немецкого философа, что было связано с ослаблением идеологических установок и расширением дозволенных вопросов, обращением к новым темам гегелевского наследия, включая главным образом методологическую проблематику. Что же касается постперестроечной России, то здесь благодаря исследованиям многих выдающихся российских авторов (Н. Мотрошиловой, М. Быковой и др.), а также публикациям ряда знаковых переводов сформировался соответствующий современным реалиям образ немецкого мыслителя, свободный от идеологически ангажированного толкования его роли и значения в мировой философии только как непосредственного источника марксизма-ленинизма.

Ярким примером становления такого нового облика Г. Гегеля явились работы академика В. Стёпина. Он органично связал гегелевскую концепцию абсолютного духа как субстанции, порождающей в своем развитии все его состояния и являющейся идеализированным образом саморазвивающихся систем, с основными принципами современного системно-структурного подхода [9, с. 330], тем самым фактически представил облик Г. Гегеля как генератора идей, которые продуктивно стимулируют новые нетривиальные подходы при разработке философских оснований науки XXI в.

Что касается стран Запада – Италии, Великобритании, Франции, Германии и др., то здесь в конце XIX – первой половине XX в. начинается процесс возрождения идей Г. Гегеля. В каждом из этих государств формировался собственный образ немецкого философа, в зависимости от тех целей, которые ставили перед собой интерпретаторы его идей. Так, для Великобритании были характерны крайне консервативные рецепты и трактовки, используемые главным образом в качестве противоядия от позитивизма, британского эмпиризма, сенсуализма и естественно-научного материализма. Г. Гегель предстал в них как сугубо религиозный философ,

а его диалектика превратилась в концепцию примирения противоположностей. При создании его политического облика акцент делался преимущественно на его учении о государстве как особой целостности, которое использовалось для обоснования законности и полного подчинения личности государственным законам.

Итальянские неогегельянцы, в первую очередь Б. Кроче, выделяли в воззрениях Г. Гегеля философию истории с ее понятием свободы, истолкованной в качестве высшего закона и безусловной исторической ценности. Во многом это было связано с событиями Первой мировой войны, мировым кризисом, фашизацией страны и т. п. Что же касается другого крупнейшего представителя итальянского неогегельянства – Дж. Джентиле, то для него главной целью стала реконструкция и обновление гегелевской диалектики в сторону трансцендентально-субъективизма, где на первый план выдвигался акт «воления» и актуализации субъекта. Он также использовал гегелевскую трактовку для оправдания и даже «обоготворения» фашистского государства [10].

Однако наиболее неортодоксальный и ставший чрезвычайно притягательным образ Г. Гегеля формируется в предвоенной Франции. В период Первой мировой войны немецкая философия в целом связывалась французскими интеллектуалами с германским милитаризмом и империализмом, а сам Г. Гегель рассматривался как философ, учение которого было опровергнуто развитием научного знания. Более того, его резко критиковали за обожествление государства, всячески подавляющего права личности. Однако к середине 1930-х гг. в стране складывается совершенно другое отношение к Г. Гегелю, и, соответственно, формируется иной его лик. Было бы несправедливо не вспомнить в данном контексте о В. Дильтее и его работе «История молодого Гегеля» (1905), которая способствовала коренному изменению этого образа, придав ему мистико-пантеистический оттенок. Возникновение нового интереса к Г. Гегелю, как полагал французский философ В. Декомб, было также обусловлено событиями, происходящими в России, – Октябрьской революцией 1917 г., приведшей к популяризации на Западе идей марксизма. Определенный «отблеск славы, окружавшей большевистских лидеров, пал и на Гегеля», работы которого, как уже упоминалось, усердно советовал «штудировать» В. Ленин [11, с. 15]. Для пробуждения этого интереса много сделали французы Ж. Валь и Ж. Ипполит, а также русские эмигранты А. Койре (А. Койранский) и А. Кожев (В. Кожевников). Совершенно новый образ Г. Гегеля сформировался во Франции благодаря тому, что в фокусе исследовательского интереса оказался текст «Феноменологии духа», только что переведенный Ж. Ипполитом на французский язык. Более того, Г. Гегель впервые предстал здесь уже не в облике закоренело-

го панлогиста, а, скорее, в духе атмосферы того времени, романтика и экзистенциального философа. Гегелевский концепт «несчастное сознание», воплощающий, по Ж. Валью, суть и характер его «экзистенциально-трагической» диалектики, был провозглашен «источком» и «тайной» всей гегелевской философии. Сам же Г. Гегель предстал в видении Ж. Валья как мыслитель, постоянно оказывающийся перед лицом антиномий и антитезисов и более всего озабоченный вопросом о преобразовании несчастья в счастье. Интересно, что каждый французский философ, несмотря на совпадение в главном из увиденного у Г. Гегеля, все же вносил разные оттенки в сформированный им его облик. Так, у Ж. Валья Г. Гегель предстал в образе религиозного мыслителя, а А. Кожев находил в нем, хотя и скрытого, но атеиста, что якобы непосредственно вытекало из антропологической сущности его философии.

Именно А. Кожев и ввел настоящую моду на современного Г. Гегеля, прочитав в 1933–1939 гг. в Школе практических исследований Парижа курс лекций по произведению «Феноменология духа», на которых присутствовал весь цвет французской и европейской интеллектуальной элиты того времени: Р. Арон, Ж. Батай, А. Бретон, Ж. Валь, Р. Гароди, Р. Кайуа, П. Клоссовски, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр и др. Это в значительной степени поспособствовало тому, что к середине 1940-х гг. Г. Гегель «станет вершиной классической философии и источником всего современного» [11, с. 17]. Вплоть до конца 1960-х гг. «Феноменология духа» будет одним из самых читаемых философских произведений того времени, а Г. Гегель, наряду с Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером, станет властителем дум европейской молодежи, составившей так называемое поколение трех *H* (*Hegel, Husserl, Heidegger*).

Благодаря А. Кожеву создается новый образ Г. Гегеля и его философии. Философ как бы утратит свою классическую академическую замкнутость и предстанет в духе идей новой исторической эпохи (как учение о человеке, его судьбах и смысле истории). В проблематику гегелевской философии А. Кожев внесет те вопросы, которые в рамках классического дискурса всегда находились за ее пределами, – тему смерти, выбора, решимости, борьбы за признание, террора и др. Это окажется удивительно созвучно проблематике экзистенциальной философии К. Ясперса, учеником которого был А. Кожев, и М. Хайдеггера [12].

Выше уже отмечалось, что учение Г. Гегеля за последние 200 лет подвергалось самым противоположным оценкам, став, по сути, ареной ожесточенных разногласий и даже столкновений. Начало здесь было положено еще А. Шопенгауэром, составившим крайне нелицеприятный образ как философии, так и личности своего старшего современника. Некоторые из данных ему эпитетов порой даже нецелесообразно воспроизводить в академическом сообществе.

Уже в XX в. К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» (1945), с одной стороны, и Г. Маркузе в книге «Разум и революция. Г. Гегель и становление социальной теории» (1941) – с другой, репрезентируют два кардинально противоположных образа Г. Гегеля и его философии в контексте ее связи с различными формами тоталитаризма: образ апологета и предтечи и апостола разума и свободы.

Так, согласно Попперу, гегелевская система прославляет прусский абсолютизм в качестве незыблемого воплощения разума и закладывает новый теоретический базис немецкого национализма. Как пишет К. Поппер, «получилось так, что он [Гегель] занял положение первого официального философа пруссачества в период феодальной “реставрации” после наполеоновских войн» [13, с. 38–39]. Его же система, будучи «апологией пруссачества», является, по К. Попперу, принципиально антинаучной и, вопреки заявлениям самого мыслителя, глубоко антирационалистичной. Она, базирующаяся на признании как правового, так и морального позитивизма, во многом способствовала зарождению воинствующего антилиберализма и антииндивидуализма XX в., воплотившихся в фашизме, гитлеризме и сталинизме.

Г. Маркузе же, наоборот, считал, что появление фашизма стало возможным только в результате отказа от фундаментальных положений гегелевской философии, основополагающий принцип которой он увидел в верховенстве разума над действительностью, а также необходимости свободной и рациональной критики существующего положения дел. Философская система Г. Гегеля «представляет собой последнее великое выражение этого культурного идеализма, последнюю великую попытку сделать мысль прибежищем разума и свободы» [14, с. 43–44].

После Второй мировой войны в европейской философии наметились пути поиска новых подходов к Г. Гегелю и его философии, тяготеющих к более умеренному характеру исследований по сравнению как с попперовской позицией, так и представителями радикального неогегельянства. Этому в значительной мере помогало создание Интернационального объединения для содействия изучению гегелевской философии и Международного гегелевского общества, иницилирующих регулярный созыв международных гегелевских конгрессов. Тем не менее дилемма, воплотившаяся в противостоянии позиций К. Поппера и Г. Маркузе, остается и сегодня по-прежнему актуальной.

В фокусе исследований конца XX в. оказалась наиболее актуальной политическая философия Г. Гегеля, вокруг содержания которой и разворачиваются бурные дискуссии: носит ли она реакционный или же прогрессивный характер, тоталитарна или либеральна, революционно-критична или конформистски-оппортунистична?.. При этом главными обсуждаемыми темами гегелевского учения являются

вопросы о соотношении государства и гражданского общества, личности и государства, его оценки Прусского государства и Французской революции, его взгляды на войну и т. п. Не остается в стороне и вопрос о связи идей Г. Гегеля и К. Маркса, использовании его положений неогегельянами и т. п.

Сформированный К. Поппером образ Г. Гегеля как тоталитарного мыслителя и сегодня достаточно распространен в англосаксонской литературе и у некоторых западногерманских авторов (И. Фетчер, Б. Рассел, С. Хук, К. Фридрих, Я. Гоммес, Ф. Бауэр, Э. Зауэр и др.), которые игнорируют специфический смысл гегелевской философской концепции государства, ассоциирующейся у него с идеей свободы и права, а отнюдь не с аппаратом насилия и произвола.

К числу тех, кто придерживался созданного Г. Маркузе образа Г. Гегеля и, соответственно, либеральной его трактовки, относится Ж. Д’Онт (выступил уже в конце XX в.) – ученик Ж. Ипполита, председатель французского философского общества и член правления Международного гегелевского общества, основатель Центра исследований и документов, посвященных Г. Гегелю и К. Марксу. Французский философ обратился к изучению наследия Г. Гегеля с целью найти в нем ответы на актуальные вопросы современности. Благодаря своим блестящим работам он не только завоевал международную известность, но и сумел восстановить немецкому философу историческое лицо. Его многолетние изыскания завершились изданием итоговой работы «Гегель. Биография» (1998).

Исследование Ж. Д’Онта отличает тщательный анализ документов, связанных с жизнью и творчеством немецкого философа, а также скрупулезное вчитывание в его тексты, на основе которых был создан, как он сам пишет, «новый Гегель». Автор приводит множество конкретных фактов, начиная с событий, связанных с загадочной смертью философа, враждебностью в отношении к нему со стороны прусского двора, приглашением сразу после его смерти в Берлин Ф. Шеллинга, призванного «сразить и извести гадючье семя гегелевского пантеизма». Благодаря детальному анализу главных идей Г. Гегеля Ж. Д’Онт отрицает выпады К. Поппера, а заодно и Ф. Энгельса, называвших Г. Гегеля «официальным философом Прусского государства». Он отстаивает идею о невозможности трактовки его мысли, особенно политической, вне обусловившего ее контекста и советует искать предтечу Гитлера в Пруссии начала XIX в. среди куда более подходящих кандидатов на эту роль, нежели Г. Гегель [15, с. 447].

Главной составляющей облика Г. Гегеля, сформированного Ж. Д’Онтом, стала идея о верности философа либеральным идеалам своей юности даже в зрелые годы. Исследователь полагает, что Г. Гегель был вынужден приспособливаться к условиям тех жестких политических режимов, под властью кото-

рых он жил, непрестанно сдерживать себя и использовать столь характерный для него «двойной язык». В книге приводятся многочисленные примеры такого либерального облика Г. Гегеля, ссылки на резкую критику им английской коррумпированной политики и то, что он никогда не превозносил монархию, абсолютизм и авторитаризм, видя силу государства в разуме, праве и свободе.

Такой «новый образ Гегеля» оказывается сегодня довольно притягательным, особенно на Западе, чему свидетельствует и упомянутая в начале данной публикации ссылка на концепцию или преамбулу к XXXIII Международному гегелевскому конгрессу, который, как уже отмечалось, провозгласил Г. Гегеля «мыслителем свободы» и назвал его главной задачей «концептуализацию форм права на свободу».

Разумеется, учение Г. Гегеля, несмотря на цельность и систематичность, столь сложно и многолико, что вывести из него определенную политическую позицию представляется чрезвычайно непросто, как и нелегко кратко охарактеризовать все те многочисленные его образы, которые за последние 200 лет сложились в философской литературе. Ведь кто только не писал о Г. Гегеле, начиная с его современников! Тем не менее сегодня, в XXI в., нельзя оставаться в плену одиозных идеологических клише

и стереотипов, навязывающих нам образ Г. Гегеля как апологета Прусского государства и реакционера-консерватора, призванного «удерживать философию в разумных границах» (К. Поппер). Следует помнить, что он остается не только великим логиком, методологом и энциклопедистом, создателем грандиозной философской системы, но и мыслителем, идеи которого во многом инициировали практически все направления послегегелевской мысли. Как писал еще в 1946 г. французский философ М. Мерло-Понти: «Гегель стоит у истоков всего великого, что произошло в философии за последнее столетие, например марксизма, Ницше, феноменологии и немецкого экзистенциализма, психоанализа... <...> ...В сфере культуры нет более срочной задачи, чем обратить снова неблагодарные доктрины к гегелевскому началу, которое они пытаются забыть» [11, с. 15]. И уж тем более, не нужно перекладывать на него ответственность за сказанное от его имени сторонниками ортодоксального марксизма, радикального неогегельянства или фашизма. Другое дело, что все точки над «i» еще не поставлены, и работа по осмыслению гигантского наследия немецкого философа по-прежнему продолжается, а его юбилей дает хороший повод ее активизировать.

Библиографические ссылки

1. XXXIII Internationaler Hegel-Congress [Internet]. 2020 [cited 2020 May 18]. Available from: <https://hegel2020.uw.edu.pl/home>.
2. Большаков НН. Размышления по поводу прочтения основоположниками марксизма-ленинизма «Философии права» Гегеля [Интернет]. 2020 [процитировано 17 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-po-povodu-prochteniya-osnovopolozhnikami-marksizma-leninizma-filosofii-prava-gegelya>.
3. Knackstedt ME. *State and revolution: Hegel, Marx and Lenin*. Ontario: McMaster University; 1994. 173 p.
4. Anderson K. *Lenin, Hegel, and Western Marxism: a critical study*. Urbana: University of Illinois Press; 1995. 336 p.
5. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 29. Философские тетради*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 813 с.
6. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 45. О значении воинствующего материализма*. Москва: Издательство политической литературы; 1970. 760 с.
7. Данилкин ЛА. *Ленин. Пантократор солнечных пылинок*. Юрьев АА, редактор. Москва: Молодая гвардия; 2017. 784 с.
8. Корсаков СН. Начальный этап «дела» З. Я. Белецкого (архивная публикация). *Философский журнал*. 2016; 9(1):164–179.
9. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018. 800 с.
10. Румянцева ТГ, редактор. *Современная западная философия*. Минск: Книжный дом; 2009. 1024 с.
11. Декомб В. *Современная французская философия*. Москва: Весь Мир; 2000. 344 с.
12. Кожев А. *Введение в чтение Гегеля*. Санкт-Петербург: Наука; 2003. 792 с.
13. Поппер К. *Открытое общество и его враги. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Том 2*. Садовский ВН, редактор, переводчик. Москва: Феникс; 1992. 528 с.
14. Маркузе Г. *Разум и революция. Гегель и становление социальной теории*. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000. 541 с.
15. Д’Онт Ж. *Гегель. Биография*. Погоняйло АГ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2012. 512 с.

References

1. XXXIII Internationaler Hegel-Congress [Internet]. 2020 [cited 2020 May 18]. Available from: <https://hegel2020.uw.edu.pl/home>.
2. Bolshakov NN. Reflections on the reading by the founders of Marxism Leninism of Hegel’s «Philosophy of right» [Internet]. 2020 [cited 2020 May 17]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-po-povodu-prochteniya-osnovopolozhnikami-marksizma-leninizma-filosofii-prava-gegelya>. Russian.
3. Knackstedt ME. *State and revolution: Hegel, Marx and Lenin*. Ontario: McMaster University; 1994. 173 p.
4. Anderson K. *Lenin, Hegel, and Western Marxism: a critical study*. Urbana: University of Illinois Press; 1995. 336 p.

5. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 29. Filosofskie tetrad* [Complete collection essays. Volume 29. Philosophical notebooks]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. 813 p. Russian.
6. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 45. O znachenii voinstvuyushchego materializma* [Complete collection essays. Volume 45. On the significance of militant materialism]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1970. 760 p. Russian.
7. Danilkin LA. *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Sun Dust Pantocrator]. Yuriev AA, editor. Moscow: Molodaya gvardiya; 2017. 784 p. Russian.
8. Korsakov SN. The initial stage of the Beletsky «case» (archival publication). *The Philosophy Journal*. 2016;9(1):164–179. Russian.
9. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kultura* [Person. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 800 p. Russian.
10. Rumyantseva TG. editor. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Modern western philosophy]. Minsk: Knizhnyi dom; 2009. 1024 p. Russian.
11. Dekomb V. *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya* [Modern French philosophy]. Moscow: Ves' Mir; 2000. 344 p. Russian.
12. Kozev A. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to reading of Hegel]. Saint Petersburg: Nauka; 2003. 792 p. Russian.
13. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. Tom 2* [The open society and its enemies. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Volume 2]. Sadovsky VN, editor, translator. Moscow: Phoenix; 1992. 528 p. Russian.
14. Markuze G. *Razum i revolyutsiya. Gegel' i stanovlenie sotsialnoi teorii* [Reason and revolution. Hegel and the formation of social theory]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2000. 541 p. Russian.
15. D'Ont Z. *Gegel'. Biografiya* [Hegel. Biography]. Pogonyailo AG, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2012. 512 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.07.2020.
Received by editorial board 20.07.2020.